

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"

№ 18 Суббота, 17 (30) мая 1903 г. № 18

Домики Петра Великаго.

Петербургъ на первыхъ порахъ состоялъ изъ мазанковыхъ домиковъ. Домикъ Петра Великаго былъ первымъ деревяннымъ зданіемъ, которое соорудилъ Петръ для себя. Какъ извѣстно, въ немъ только двѣ комнаты и кухня. Одна служила Петру кабинетомъ для занятій государственными дѣлами, а другая —спальней и столовой. Роскошь состояла въ томъ, что ставни были расписаны цвѣтами и плодами, а на дверяхъ изображена была перспектива. Стулья и рамы въ домикѣ Петръ нашелъ время сдѣлать собственными руками.

Лѣтній дворецъ, сохранившійся тоже до нашего времени, былъ построенъ въ 1711 г. До тѣхъ поръ городъ стоялъ только на Петербургской сторонѣ. Лѣтній дворецъ былъ, разумѣется, роскошнѣе „домика". Двери были дубовыя и изъ орѣховаго дерева съ рѣзными украшеніями, большинство которыхъ тоже было сдѣлано руками Петра. Орѣховый шкафъ въ Лѣтнемъ дворцѣ—тоже работы Петра. Стѣны дворца были оштукатурены и расписаны, кухня выложена изразцовыми плитами. При Лѣтнемъ дворцѣ былъ погребъ, ледникъ и оранжерея.

Садъ при Лѣтнемъ дворцѣ былъ открытъ для ассамблей, т. е. для общественныхъ увеселеній по торжественнымъ днямъ. Жители должны были переѣзжать на яликахъ черезъ Неву, — и государь встрѣчалъ каждаго кубкомъ. Надо было выпивать. Длинныя аллеи сада были украшены оловянными и свинцовыми статуями, изображавшими басни Езопа, и самого горбатаго Езопа. Езоповыхъ фигуръ было около шестидесяти, изъ нихъ били фонтаны. Фигуры были вызолочены. Такъ какъ предполагалось, что многимъ петербуржцамъ неизвѣстны Езоповы басни, то у каждой было приказано вбить столбъ и на немъ на жести написать содержаніе басни и толкованіе ея. Лѣтній садъ былъ разбитъ шведскимъ садовникомъ Шредеромъ.

Почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь придворный театръ, стоялъ старый Зимній дворецъ, близъ Зимней канавки, проведенной изъ Большой Невы въ Мойку. Сначала онъ былъ тоже не больше Лѣтняго дворца, и въ немъ лѣтъ десять жилъ Петръ съ Екатериной, а въ 1721 г. дворецъ былъ разобранъ и, змѣсто него, построенъ новый, въ уровень съ Миліонной улицей. Въ 1726 году зимній домъ былъ передѣланъ.

На мѣстѣ же нынѣшняго Зимняго дворца стояли при Петрѣ I два дома генералъ-адмирала гр. Апраксина и такъ называемыя Кикины палаты. Первый домъ былъ въ два яруса, по 8 оконъ въ каждомъ. Надъ входной дверью нижняго этажа, въ верхнемъ, былъ балконъ. Кикины палаты состояли всего изъ одного яруса съ шестью большими окнами. Посрединѣ была парадная дверь и широкая лѣстница въ 8 ступеней съ перилами. На самой крышѣ стояла башенка съ окнами вродѣ старинной смотрѣльни.

Для разныхъ придворныхъ надобностей и для храненія съѣстныхъ припасовъ, въ 1711 г., на лѣвомъ берегу Фонтанки, противъ Лѣтняго дворца, былъ построенъ запасный дворецъ. Онъ былъ деревянный, одноэтажный.

На Воскресенскомъ проспектѣ стоялъ дворецъ царевны Натальи Алексѣевны, сестры Петра Великаго, которую онъ очень любилъ. Домъ былъ невеликъ, но все же въ нижнемъ ярусѣ его было 16 оконъ. Второй и третій ярусы имѣли всего по 6 оконъ. Внутри дворца находилась церковь Воскресенія Христова. Царевна сама устроила богадѣльню въ собственномъ своемъ дворцѣ и жила вмѣстѣ со старыми женщинами, которыхъ она призрѣвала.

Вообще архитектура самыхъ богатыхъ домовъ въ Петербургѣ была очень незатѣйлива, въ особенности на первыхъ порахъ. Домъ царевича Алексѣя Петровича, стоявшій тамъ, гдѣ теперь гофъ-интендантскіе магазины, былъ всего въ 12 оконъ, съ парааднымъ подъѣздомъ посрединѣ и съ двумя столбами по сторонамъ вродѣ фонарей. Во второмъ ярусѣ было всего три окна.

На Выборгской сторонѣ, возлѣ дубовой рощицы, которую насадилъ самъ Петръ, былъ

Царь-работникъ.
(Въ костюмѣ голландскаго матроса).
Со старинной гравюры, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей"

построенъ тоже въ 1811 г. маленькій Приморскій дворецъ или Дубки.

Екатерингофскій дворецъ, передѣланный впослѣдствіи, но всеже сохраняющій на себѣ яркій отпечатокъ того времени, существуетъ понынѣ. Близъ мѣста, гдѣ одержана была въ 1703 г. драгунами побѣда надъ шведскимъ флотомъ, воздвигнутъ былъ деревянный двухъэтажный дворецъ и, вслѣдствіе близости его къ башнѣ, съ которой Петръ смотрѣлъ на приходящіе иностранные корабли, получилъ названіе Подзорнаго. Въ Екатерингофскомъ дворцѣ до сихъ поръ показываютъ кровать изъ сосноваго дерева, безъ украшеній, съ шелковымъ одѣяломъ и съ нашитыми на немъ золотыми гербами, — повидимому, чрезвычайно неудобнымъ для того, чтобы имъ покрываться. Эту кровать сработалъ самъ Петръ. Спальня, въ которой стоитъ кровать, необыкновенно маленькая. Въ этой же спальнѣ, кромѣ государя и государыни, почивалъ еще деньщикъ. Даже „удобство", находящееся въ непосредственной близости со спальней, обито краснымъ сукномъ руками самого Петра.

Два небольшихъ домика, одинъ въ 15 саженей, другой въ 14, шириною всего въ 3 сажени, были построены близъ Екатерингофа для царевенъ Анны Петровны и Елисаветы Петровны. Скромность вообще была поразительная. Только побывавши во Франціи и насмотрѣвшись на великолѣпные дворцы съ парками и драгоцѣнными фонтанами, Петръ на рѣкѣ Стрѣлкѣ, впадающей въ Финскій заливъ, воздвигъ, наконецъ, каменный двухъэтажный дворецъ, длиною въ 44, а шириною въ 6 саженъ. Это былъ Стрѣльнинскій дворецъ.

Но вскорѣ ему понравился Петергофъ. Стрѣльна была подарена Елизаветѣ Петровнѣ, а Леблондъ построилъ въ Петергофѣ, на горѣ, на взморьѣ, дворецъ и, кромѣ того, бесѣдки—Монплезиръ и Марли. Изъ Монплезира ясно былъ виденъ Кронштадтъ. Тамъ же висѣли любимыя картины Петра Великаго, которыя онъ покупалъ въ Амстердамѣ на аукціонахъ, посѣщая ихъ вмѣстѣ съ обыкновенными маклаками и любителями.

Въ 1722 г. въ Стрѣльнѣ Петръ опять построилъ для себя маленькій дворецъ непремѣнно деревянный. Недалеко отъ оранжереи этого дворца растетъ огромная липа. Ей уже нѣсколько сотъ лѣтъ. При Петрѣ I на ней построена была бесѣдка. Петръ взбирался на самый верхъ, пилъ чай въ бесѣдкѣ и смотрѣлъ на море.

Существовалъ еще домикъ Петра Великаго въ деревнѣ Ольховой, близъ Петергофа. Когда рыли петергофскій каналъ, Петръ жилъ въ этомъ домикѣ, чтобы надсматривать за работами, потому что Петръ въ совершенствѣ зналъ строительное, инженерное и всякое другое дѣло. Конечно, онъ не отличался европейской воспитанностью, но это былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени и великій практикъ.

На берегу Фонтанки, на мѣстѣ теперешняго Екатерининскаго института, стоялъ Итальянскій дворецъ. Онъ былъ каменный и построенъ по образцу итальянскихъ увеселительныхъ казино. Отсюда сохранилось названіе Итальянской улицы, простирающейся съ одной стороны отъ Фонтанки до Екатерининскаго канала и отъ Институтскаго сада до Лиговки. Эта вторая часть Итальянской улицы, —Малая, недавно переименована въ улицу Жуковскаго. Въ Итальянскомъ дворцѣ собиралась публика, а въ обширномъ саду, который прилегалъ къ нему, устраивались гулянья. Уже при Павлѣ I Итальянскій дворецъ былъ передѣланъ сначала въ военно-сиротскій институтъ, а затѣмъ въ „Екатерининскій институтъ для воспитанія бѣдныхъ и сирыхъ дворянскихъ дѣвицъ".

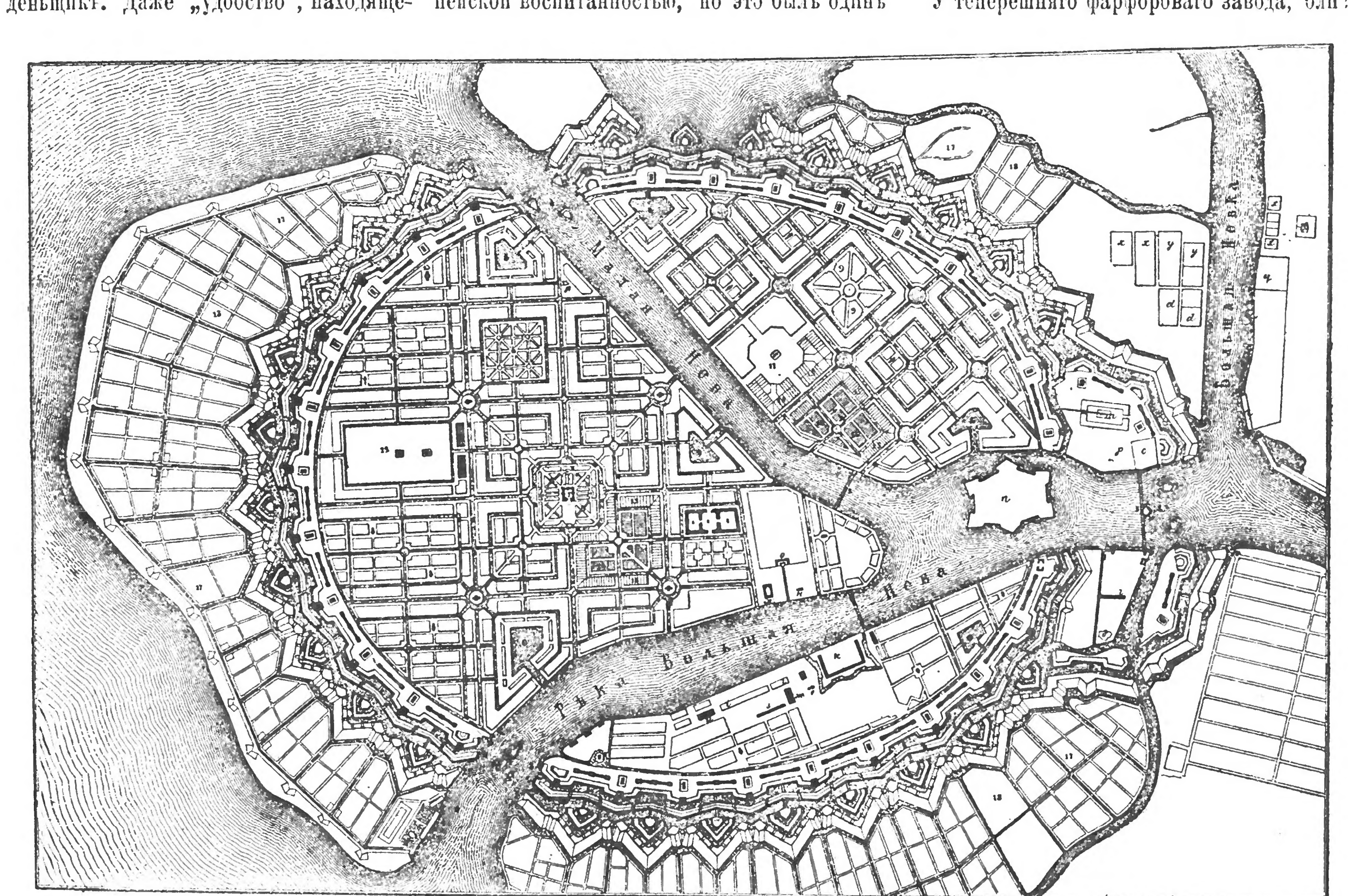
Всѣ свободныя земли Петръ роздалъ своимъ вельможамъ. Такимъ образомъ, острова попали въ разныя руки. Но Петровскій островъ названъ такъ потому, что онъ принадлежалъ лично Петру. На немъ, разумѣется, тоже воздвигнутъ былъ маленькій деревянный дворецъ, впослѣдствіи за ветхостью разобранный. Крестовскій островъ принадлежалъ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ и на немъ стояла деревянная двухъэтажная дача. Она была крошечная, въ каждомъ этажѣ было всего по 4 окна. Скорѣе, это была избушка.

Еще былъ Ижорскій дворецъ. Онъ стоялъ на берегу Невы, при устьѣ Ижоры. Въ немъ останавливался Петръ, когда ѣздилъ въ Шлиссельбургъ. По преданію, онъ былъ выстроенъ изъ остатковъ королевскаго дворца, который стоялъ въ Шлиссельбургѣ и былъ разобранъ. Въ каждомъ ярусѣ было всего по 6 оконъ, а во флигеляхъ съ высокими шпицами вродѣ колоколенъ было по 3 окна.

У теперешняго фарфороваго завода, близъ Мурзинки, былъ другой дворецъ—царевича Алексѣя Петровича. Въ первомъ этажѣ было 10 оконъ, во второмъ—4, въ третьемъ—3. Весь дворецъ былъ не деревянный и не каменный, а мазанковый.

Нынѣшній домъ Академіи наукъ на Васильевскомъ островѣ былъ предназначенъ для царицы Прасковьи Ѳеодоровны—супруги царя Іоанна Алексѣевича. Академія перешла въ этотъ домъ уже въ 1725 г., а раньше собиралась въ домѣ Шафирова на Петербургской сторонѣ, рядомъ съ домомъ кн. Гагарина, служившаго сибирскимъ губернаторомъ. Въ его отсутствіе въ его домѣ помѣщался св. синодъ.

Въ Кронштадтѣ существовалъ каменный итальянскій дворецъ Петра Великаго еще во времена Екатерины II, близъ толстаго, высокаго дуба, въ которомъ былъ выдолбленъ шкафикъ, а въ шкафикѣ стояли бутылка и

Генеральный чертежъ С.-Петербурга, исполненный Леблономъ въ январѣ 1717 года.
(Изъ изданія „Невскій Проспектъ" А. Вильборга).

стаканъ съ прохладительными напитками для Петра.

Другой домикъ Петра Великаго, въ три окна на улицу и изъ семи маленькихъ покоевъ, до сихъ поръ сохраняется въ Кронштадтѣ. Онъ раздѣленъ былъ на двѣ половины: въ одной жилъ самъ Петръ, а въ другой князь Меншиковъ. На дворѣ, во флигелѣ, жили свитскіе генералы.

Кромѣ этихъ домовъ, въ Россіи было еще нѣсколько домиковъ Петра Великаго. Такъ, въ селѣ Дубнѣ—маленькій деревянный, на плитномъ фундаментѣ. Въ немъ хранится одинъ изъ ботиковъ Петра Великаго, на которомъ онъ плавалъ по Ладожскому каналу. Домикъ Петра I до 40-хъ годовъ сохранялся въ Валуйкахъ. Въ слободкѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, Петръ останавливался, когда шелъ на Полтаву. Гр. Шереметевъ нарочно построилъ для пребыванія Государя особый домикъ. Въ верхнемъ этажѣ этого домика теперь помѣщается архивъ Шереметевыхъ, и онъ окруженъ семью чугунными пушками и однимъ фальконстомъ—трофеями, взятыми подъ Полтавой. Въ самой Полтавѣ также долгое время оберегали домикъ, въ которомъ Петръ Великій поселился послѣ Полтавской битвы. Но въ началѣ XIX вѣка онъ былъ сломанъ и на мѣстѣ его воздвигнутъ пирамидальный каменный столбъ съ надписью: „Здѣсь Петръ Великій покоился послѣ тр довъ своихъ 1709 г., іюня 27-го. Благоговѣй: мѣсто свято есть“.

Максимъ Бѣлинскій.

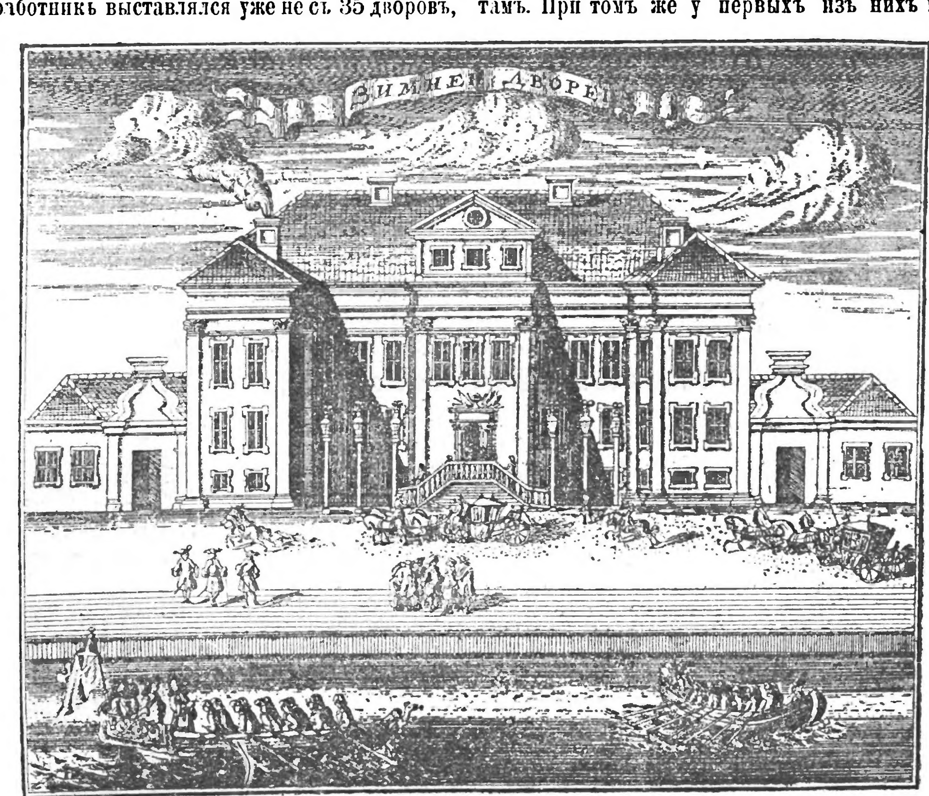

Какъ устраивался Петербургъ.

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ...

Основаніе Петербурга Карамзинъ, какъ извѣстно, назвалъ геніальною ошибкою Петра. Историки, непосредственно слѣдовавшіе за нимъ, относились столь же критически и къ способу застроенія Петербурга земскимъ нарядомъ, т. е. нарядомъ людей, насильно собранныхъ съ различныхъ пунктовъ государства. Трудолюбивый исторіографъ Петербурга XVIII ст.,—П. Н. Петровъ, несогласенъ съ этими историками и беретъ земскіе наряды при Петрѣ подъ свою защиту. „...Порицатели Петра I,—говоритъ онъ—въ самомъ фактѣ выставки людей въ Азовъ и въ Петербургъ, видятъ личный произволъ Преобразователя, по ихъ мнѣнію, не останавливавшагося ни передъ какою тяжелою для народа мѣрою, при выполненіи своихъ обширнѣйшихъ плановъ. Но мѣра, принятая Петромъ, соотвѣтствовала исконному обычаю, съ той разницей, что при прежнихъ царяхъ годные со всего государства люди созывались на сроки для выполненія работъ не государственныхъ, а просто дворцовыхъ; Преобразователь же Россіи требовалъ людей и жертвъ не для „выполненія причудъ дворцовой роскоши“ (какъ выражается Петровъ), а на дѣло государственной необходимости,—каковымъ онъ считалъ и основаніе Петербурга“.

Въ первый годъ основанія Петербурга, на возведеніи земляныхъ валовъ Петропавловской крѣпости работали плѣнные шведы и ближніе жители; кромѣ того, взята была часть рабочихъ изъ Шлиссельбурга (гдѣ въ то время производились поправки разрушеній, сдѣланныхъ при штурмѣ). Но уже на 1704 и на 1705 гг. вызвано было по 40,000 человѣкъ. Это повторяется и дальше, а въ нарядѣ на 1710 г. (отъ 31-го декабря 1709 г.) указано, что эти 40,000 человѣкъ раздѣляются на двѣ перемѣны по 20,000, изъ которыхъ каждой быть у дѣла: первой—„февраля съ 1-го маія по 1-е число“, а второй—„іюля съ 1-го числа октября по 1-е число“. Въ числѣ этихъ людей требовалось выслать 4,000 человѣкъ плотниковъ, а сверхъ того каменьщиковъ и кирпичниковъ, „противъ того-жъ (т. е. столько же), какъ наряжены были изъ Помѣстнаго приказу въ прошломъ году“. Хлѣба и запасу предписывалось тѣмъ „работнымъ людямъ“ брать съ собою въ дорогу „чѣмъ мочно сытнымъ быть до указнаго мѣста и до Санктпетербурга“. На покупку хлѣба имъ собрать съ „оставшихъ дворовъ“ (т. е. тѣхъ, которые не выставили работника) 100,000 рублей. Здѣсь же, въ Петербургѣ, обѣщается „хлѣбное жалованье и денегъ по полтинѣ на мѣсяцъ каждому работнику“ (Полное собран. закон. т. IV, № 2240). Сборъ съ каждаго крестьянскаго двора впослѣдствіи доходилъ до 8 и 11 рублей и одинъ работникъ выставлялся уже не съ 35 дворовъ,

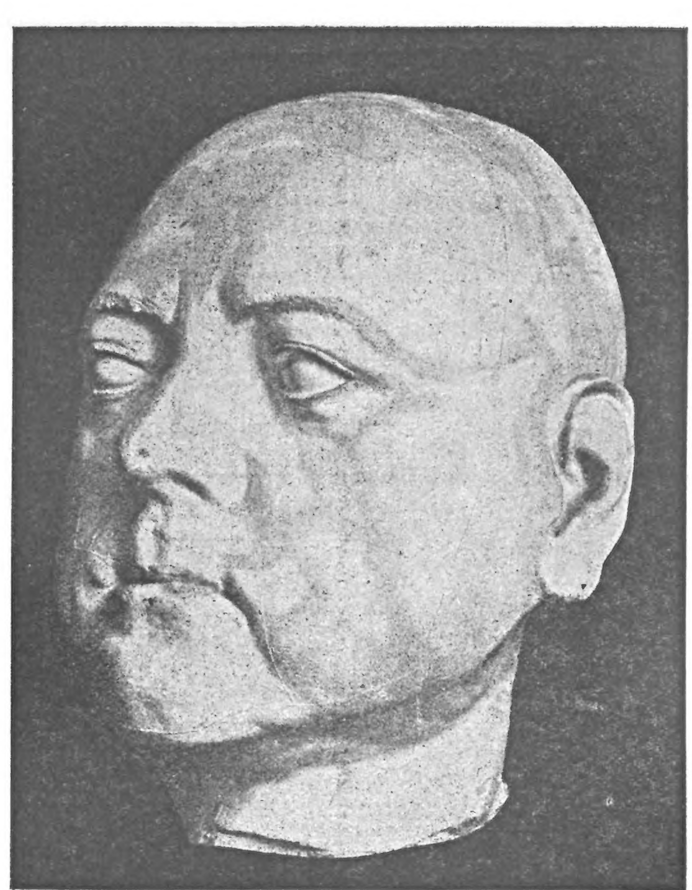
Зимній дворецъ Петра Великаго.
Съ гравюры 1716 года.

какъ раньше, а съ каждаго 11 двора (Полн. собр. закон., т. IV, № 2284, т. V, № 3124). По приблизительному расчету, только съ 1712 по 1716 г. выслано было на работы въ Петербургъ до 150,000 человѣкъ и собрано деньгами болѣе милліона рублей. Какимъ же образомъ выбирались рабочіе, какъ они доставлялись въ Петербургъ и всѣ-ли они являлись на мѣсто? Выборъ возлагался на отвѣтственность губернаторовъ, которые должны были наблюдать, чтобы въ рабочіе не высылались дряхлые, малолѣтніе и больные, и чтобы, вообще, при отправкѣ „неправдъ, и коварствъ и негодныхъ не было“ (Городскія поселенія въ Россійской Имперіи, т. VII, изд. 1864 г. Историческія свѣдѣнія о Петербургѣ стр. XXIII). Едва-ли, однако, можно думать, принимая во вниманіе условія того времени, чтобы выборъ работниковъ для Петербурга обходился тогда безъ „неправдъ и коварства“, т. е., чтобы сильные не замѣнялись слабыми, и богатые—бѣдными. Надзоръ за отправляемыми партіями поручался „добрымъ отставнымъ дворянамъ“ съ помощью избранныхъ изъ крестьянъ приказчиковъ. Кромѣ того, рабочихъ обязывали круговою порукою, т. е. возлагали на нихъ отвѣтственность за бѣглецовъ (тамъ-же стр. XXIII). Но, несмотря на всѣ эти мѣры, значительная часть рабочихъ всетаки разбѣгалась въ дорогѣ, другая часть умирала, и въ Петербургѣ всегда числилась недоимка людей по земскому наряду.

Какъ же, однако, жилось въ Петербургѣ тѣмъ, которые прибывали въ исправности на мѣсто? Чѣмъ была въ то время мѣстность Петербурга, — достаточно извѣстно. Судить объ этомъ можно по болотамъ, окружающимъ столицу и теперь. Но въ то время болота и топи были здѣсь непроходимыя; непроходимы были и лѣса. Сырость, мгла, дожди, наводненія, болотные міазмы одолѣвали людей въ такой степени, о какой современный петербуржецъ, вѣчно жалующійся на свой климатъ, не имѣетъ и понятія.

„Рабочіе со всѣхъ концовъ Россіи,—говоритъ Пекарскій,—приходили въ Петербургъ, непривычные къ тяжелымъ землянымъ работамъ. При томъ же у первыхъ изъ нихъ не было ни лопатъ, ни заступовъ, ни досокъ, ни тачекъ. При возведеніи первоначальныхъ земляныхъ укрѣпленій нужна была земля, а ея по близости не находилось: кругомъ были только болотистыя и низкія мѣста, покрытыя тиною и мхомъ. Тогда, по свидѣтельству очевидца, стали таскать къ бастіонамъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ или даже просто въ полахъ платья“. Послѣ цѣлаго дня такой тяжелой работы предстоялъ отдыхъ на сырой землѣ, или въ наскоро сколоченномъ шалашѣ. При всемъ томъ и питаніе рабочихъ было самое скудное. Пекарскій, на основаніи разсказовъ, оставленныхъ нѣсколькими иностранцами-очевидцами, сообщаетъ на этотъ счетъ слѣдующее:

„За первыя десять лѣтъ существованія Петербурга, тамъ невозможно было почти ничего достать, кромѣ рѣпы, капусты и травы для домашняго скота, и то въ незначительномъ количествѣ. Коровъ, овецъ, свиней и т. п. прежде основанія города можно было купить за небольшія деньги, но, когда началъ строиться Петербургъ и сюда переселено было огромное количество народа, мѣстныя средства къ пропитанію скоро истощились, и бѣдняки въ Петербургѣ рѣшительно не знали, чѣмъ жить, довольствуясь капустой, рѣпой и

Гипсовая маска Петра Великаго.
(Оригиналъ хранится въ Петровской галлерея, въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

почти вовсе не видя хлѣба. „Можно представить себѣ, каково, при такихъ условіяхъ, было существованіе бѣдныхъ людей. При малѣйшемъ замедленіи въ подвозѣ припасовъ (изъ Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова) цѣны значительно возвышались и работнику съ его полтиной, (хотя и не очень маленькой по тому времени суммой) приходилось туго. Большая часть припасовъ доставлялась зимой саннымъ путемъ, за 200 и 300 миль. Хлѣбъ подвозился съ Ладоги и лѣтомъ, но когда подвозъ, его прекращался вслѣдствія бури на озерѣ, то изсякали и запасы хлѣба, такъ что больше ничего не оставалось, какъ медленно умирать голодной смертью. Тѣхъ, кого обходила смерть отъ недоѣданія, подбирали тифъ и другія болѣзни, носившіяся въ сыромъ воздухѣ вмѣстѣ съ міазмами. Можно присоединить еще сюда наводненія и дикихъ звѣрей, какъ, напримѣръ, волковъ, еще въ 1714 г. растерзавшихъ среди бѣла дня двухъ часовыхъ у литейнаго двора и одну женщину близъ дома Меньшикова (на Васильевскомъ островѣ). Чума, свирѣпствовавшая въ 1712—1713 году въ мѣстности нынѣшней Петербургской губерніи, истребила здѣсь большую часть жителей; замѣчательно, что, проникнувъ до Нарвы, она не коснулась Петербурга. Но переселенцы и безъ нея мерли, по свидѣтельству очевидцевъ—Вебера и Беркгольца, какъ мухи“...

Таково было житье-бытье первыхъ устроителей Петербурга. Когда почва, выравненная ихъ трудами, была готова для перенесенія сюда столицы, наступила очередь привиллегированныхъ классовъ: крестьяне устраивали, помѣщикамъ приказано было строиться. Эта повинность была наложена на нихъ цѣлымъ рядомъ постановленій, изъ которыхъ первымъ былъ указъ 4 декабря 1713 г., а указами 1714 г. сдѣланы подтвержденія и опредѣлены подробности. Выборъ помѣщиковъ производился, въ зависимости отъ ихъ состоятельности, мѣриломъ которой служило количество принадлежащихъ имъ крестьянскихъ дворовъ. Сообразно этому, помѣщики вносились въ списки, составленные по царской волѣ, въ помѣстномъ приказѣ. Съ утвержденіемъ списка Государемъ, лицо внесенное въ реестръ, получало заявленіе съ подпискою: явиться въ Петербургъ, или прислать за себя довѣреннаго; взять отведенный участокъ и на немъ построить, согласно росписанію, или, представить по оцѣнкѣ деньги и, по постройкѣ отъ казны, принять уже готовое строеніе въ собственность (Петровъ). Размѣры домовъ и матеріаловъ распредѣлены были такъ: помѣщикамъ, имѣющимъ во владѣніи 700—1,000 крестьянскихъ дворовъ, строить дома каменные, не менѣе какъ на 10 саженяхъ; владѣльцамъ 500—700 дворовъ—на 8 саженяхъ, а владѣльцамъ 100—300 дворовъ позволялось ставить мазанки или деревянные дома размѣровъ, какихъ заблагоразсудится (Полн. собр. зак. V 3332, №4405.

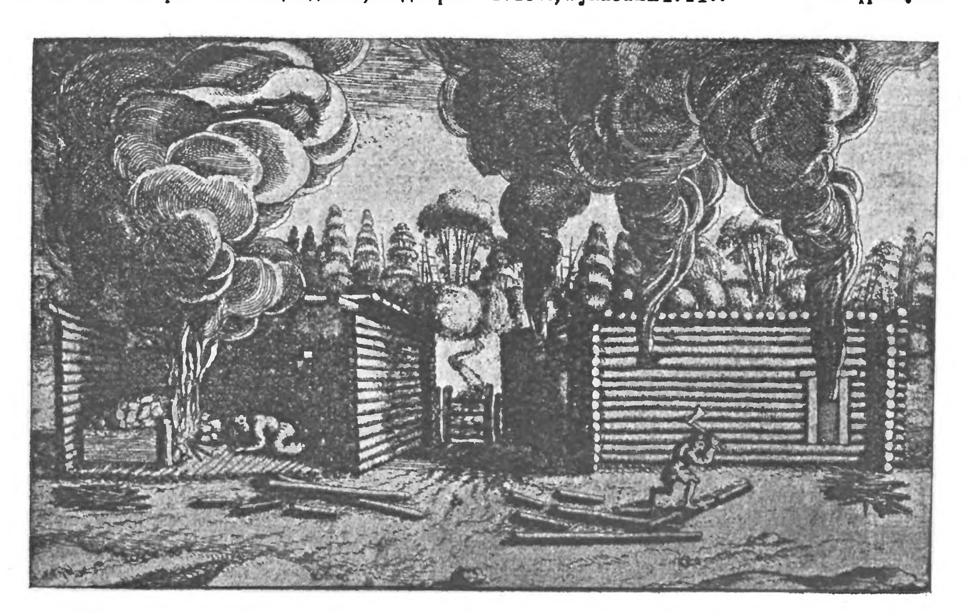
О томъ, какъ неохотно дворянами выполнялись царскіе указы, повелѣвавшіе имъ жить и строиться въ Петербургѣ, видно изъ того, что они нѣсколько разъ энергично подтверждались. Затѣмъ имѣется на этотъ счетъ свидѣтельство иностранца Вебера. Онъ разсказываетъ (цитируемъ по статьѣ Пекарскаго), что зимою 1716 года прибыло въ Петербургъ до двухъ сотъ дворянскихъ семействъ, чтобы поселиться здѣсь. Разумѣется, это было сдѣлано во исполненіе указовъ и съ великою неохотою: дворяне жаловались, что такое переселеніе лишило ихъ двухъ третей состоянія. Въ Петербургѣ имъ приходилось строить дома и за все платить чистыми деньгами, тогда какъ въ прочихъ краяхъ Россіи они могли бы получать припасы изъ своихъ деревень и тѣмъ существовать круглый годъ.

Помимо того, помѣщики, привыкшіе у себя дома къ „размашистому произволу“, т. е., попросту, къ разнузданному своевольству, не могли выносить порядковъ Петербурга, въ значительной степени все-таки европейскихъ. Въ силу этихъ причинъ, они и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы уклониться какъ отъ личнаго пребыванія на берегахъ Невы, такъ и отъ постройки здѣсь дома.

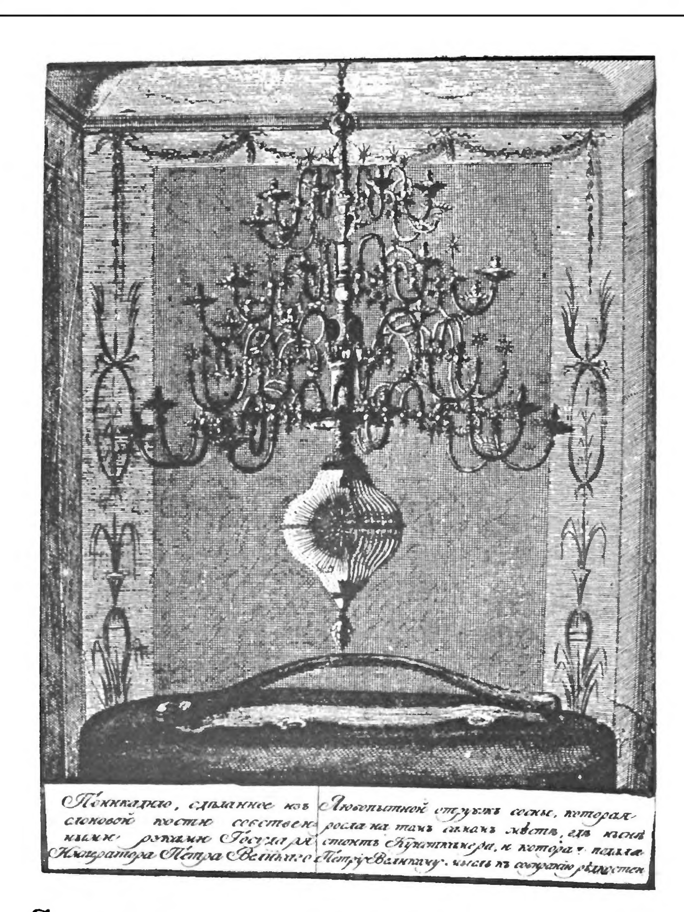
Иначе отнеслись къ своей долѣ крестьяне—строители Петербурга. Мы уже видѣли, какъ тяжела была ихъ жизнь. Несмотря на это, они—и взрослые, и дѣти умѣли,—какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Веберъ, — съ изумитель-

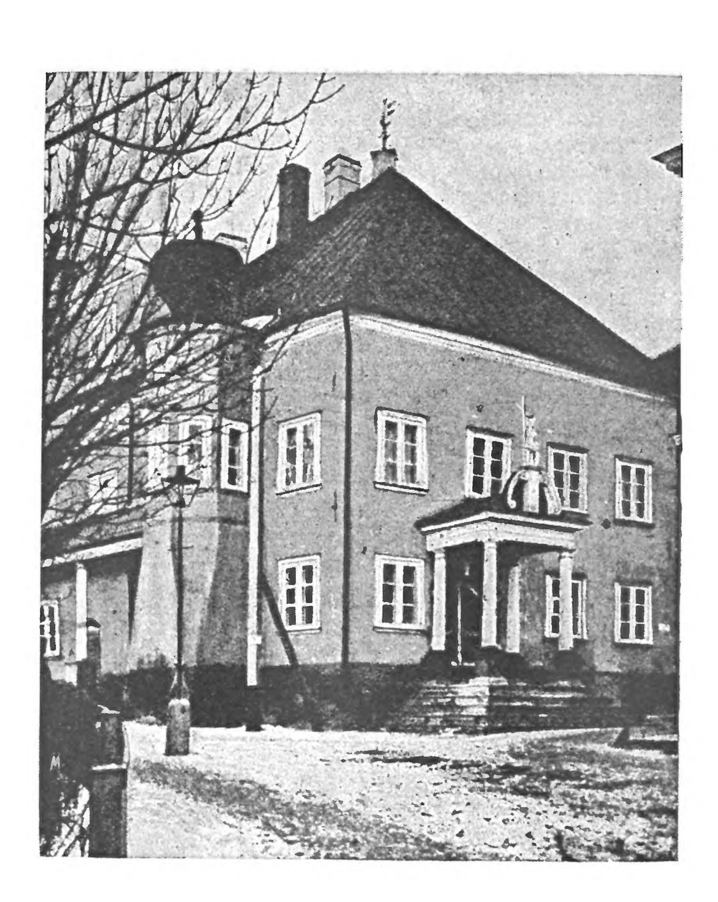
Петръ Великій на верфи Остъ-Индской компаніи въ Амстердамѣ.
Съ французской гравюры, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Постройка домовъ „для подлыхъ людей“.
Со старинной гравюры, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Паникадило, изъ слоновой кости сдѣланное собственными руками Петра Великаго.

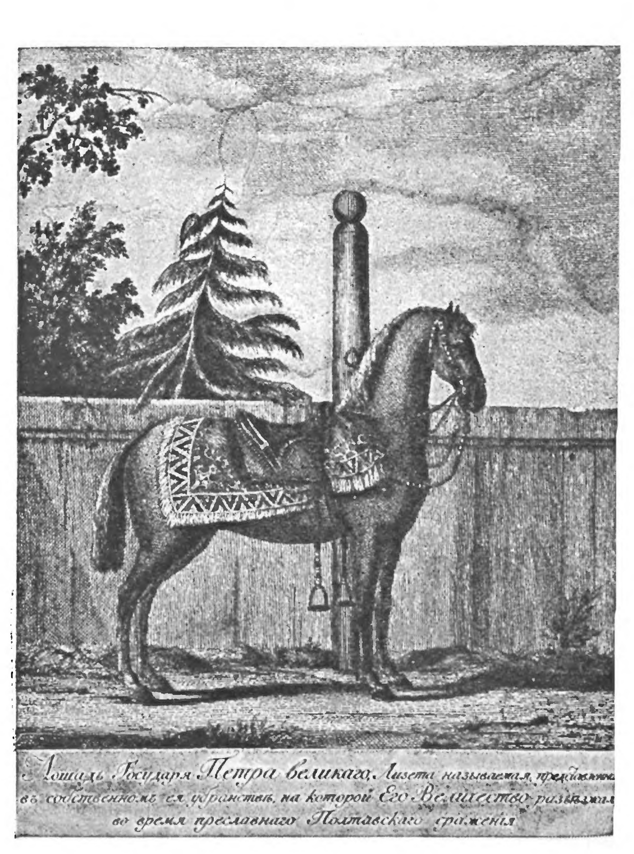

Дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ.

Съ современныхъ гравюръ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

нымъ терпѣніемъ переносить всѣ бѣдствія, говоря только, что тягостная жизнь имъ не въ радость и лучше уже умереть. Готовность эту они доказывали на дѣлѣ. Когда кто-нибудь изъ находившихся на работахъ заболѣвалъ, то онъ ложился на землю, не заботясь „выздоровѣетъ-ли, умретъ-ли, и не принимая никакихъ медицинскихъ пособій“. Такое равнодушіе простого народа въ Россіи къ жизни поражало иностранцевъ въ началѣ XVIII ст. точно такъ же, какъ насъ поражаетъ въ началѣ XX ст. равнодушіе къ жизни китайцевъ...

Крестьянъ, умиравшихъ въ то время на работахъ въ крѣпости, тотчасъ тамъ же и зарывали. Приговариванія и причитанія были запрещены и, вообще, весь обрядъ былъ немногосложенъ: умершаго выставляли на видномъ мѣстѣ, зажигали восковую свѣчу и собирали съ прохожихъ на погребеніе; а затѣмъ „завертывали тѣло въ рогожу, завязывали его кругомъ веревками, какъ мѣшокъ, и клали на по-

Лошадь Петра Великаго.

Собаки Петра Великаго.

Со старинныхъ гравюръ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

силки, которыя двое носильщиковъ на плечахъ относили къ могилѣ" (Пекарскій, Петербургская старина).

Обязательные наряды въ Петербургъ стали постепенно сокращаться съ 1717 г. (по представленію кн. Черкасскаго), а черезъ два-три года были совершенно замѣнены наймомъ вольныхъ рабочихъ черезъ подрядчиковъ. Но за 15 лѣтъ утекло не мало воды въ Невѣ, и полегло не мало народу на ея берегахъ. Одно сооруженіе петербургской крѣпости, по вычисленіямъ современниковъ, стоило 100,000 жизней (Пекарскій). И сколько разъ ни повторялось двустишіе, приведенное въ эпиграфѣ, а оно невольно приходитъ на умъ каждый разъ, когда рѣчь заходитъ о зачатіи Петербурга. Да, богатырь-царь его построилъ и богатырь-народъ забутилъ его своими костями.

Д. Г.

Петербургъ по Петровскимъ „Вѣдомостямъ" 1703—1725 гг.

Свѣдѣнія о завоеваніяхъ, предшествовавшихъ взятію шведскаго Ніеншанца (т. е. мѣстности нынѣшней Охты), равно какъ и о закладкѣ крѣпости (нынѣ Петропавловской), имѣются и въ „Юрналѣ" о томъ, „что въ мимошедшую осаду чинилось подъ крѣпостью Потенбурхомъ" (Шлиссельбургъ), и въ „Поденной Запискѣ Петра В." Но первое извѣстіе изъ новоотстроенной крѣпости Петербургъ встрѣчается лишь въ „Петровскихъ Вѣдомостяхъ", начавшихъ, какъ извѣстно, въ годъ основанія Петербурга, 1703-й, выходить въ Москвѣ. Въ № 23 *) этихъ „Вѣдомостей", вышедшемъ въ іюлѣ, пишутъ „изъ новыя крѣпости Питербурга" о дѣлѣ генерала Чамберса, ходившемъ съ четырьмя полками конныхъ, да „съ двома пѣшихъ" на шведскаго генерала Кроніорта, „которой со многими людьми и съ тринадцатью пушки стоялъ на жестокой переправѣ". По жестокомъ съ обѣихъ сторонъ огнѣ, наши войска овладѣли мостомъ и переправой, послѣ чего погнали непріятеля въ лѣсъ и порубили съ тысячу человѣкъ, „въ которы многіе были велми знатные офицеры", а многіе отъ тяжкихъ ранъ сами поумирали въ лѣсу. „А нашихъ,—кратко добавляется въ извѣстіи,—побито 32 человѣка, да нѣсколько ранено".

Въ настоящее время установлено, что выставленіе Чемберса главнымъ лицомъ сдѣлано въ этомъ сообщеніи съ умысломъ, чтобы замаскировать участіе Петра. На самомъ дѣлѣ, онъ велъ войска и подъ его начальствомъ одержана побѣда. Но какіе то стратегическіе виды требовали, вѣроятно, чтобы о присутствіи царя подъ Петербургомъ не знали и потому это было скрыто—ранній примѣръ того, какъ газета придаетъ сообщенію извѣстную форму, сообразуясь съ обстоятельствами.

Въ № 26 отъ 19-го августа „подорожные изъ Нарвы" возвѣщаютъ, что „Его Царское Величество недалече отъ Шлотбурга при морѣ городъ и крѣпость строить велѣлъ, чтобъ впредь всѣ товары, которые къ Ригѣ, къ Нарвѣ и къ Шанцу приходили, тамо пристанище имѣли, такъ же бы (т. е. чтобы) персидскіе и китайскіе товары, туда же приходили".

Это сообщеніе, странное на первый взглядъ, какъ сдѣланное заднимъ числомъ, объясняется, однако, судя по его характеру, тѣмъ, что хотѣли обратить вниманіе иноземнаго торговаго люда на придаваемое будущему городу торговое и портовое значеніе, помимо значенія военнаго. Слѣдовательно, строчки эти являются первымъ печатнымъ извѣстіемъ, свидѣтельствующимъ о планахъ Петра В. касательно Петербурга.

Въ № 27 „Вѣдомостей" отъ 7-го сентября встрѣчаемъ военныя извѣстія, имѣющія близкое отношеніе къ Петербургу. Изъ Колывани извѣщаютъ, что „при Ямахъ (Ямбургъ) стоитъ великое московское войско и пушечный снарядъ, дабы Нарву осадить", а грамотки изъ Шлотбурга,—что крѣпость Копорье между Шлотбургомъ и Ямами сдалась войску Его Царскаго Величества „и такимъ обычаемъ вся Ижерская земля, кромѣ Ивана города, всему государству паки покорилася".

Наконецъ, въ № 29 „Вѣдомостей", присланныхъ сентября въ 27 день, помѣщено черезъ 2 слишкомъ мѣсяца послѣ перваго извѣстія изъ отстроенной крѣпости Петербургъ извѣстіе о самой ея закладкѣ. Извѣстіе помѣщ но не на видномъ мѣстѣ, какъ слѣдовало бы ожидать, а въ концѣ и гласитъ:

„Его Царское Величество, по взятіи Шлотбурга въ одной милѣ оттуды ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло угодную крѣпость построить велѣлъ, въ ней же есть шесть бастіоновъ, гдѣ работали двадцать тысячъ человѣкъ подкопщиковъ, и тое крѣпость на свое государское имянованіе, прозваніемъ Питербургомъ, обновити указалъ".

Слѣдовательно, передъ нами почти то же самое извѣстіе, которое выше приведено со словъ „подорожныхъ изъ Нарвы," но здѣсь сообщеніе имѣетъ военный характеръ, на что указываетъ и выставленное число „подкопщиковъ" (т. е. землекоповъ)—20,000. На самомъ дѣлѣ, какъ указываетъ, напримѣръ, Петровъ, такого огромнаго количества людей въ то время на бастіонахъ быть не могло. Тогда на укрѣпленіи работали отчасти свои войска, затѣмъ и плѣнные шведы и жители окружныхъ дикихъ мѣстностей,—и 20,000 человѣкъ (принимая во вниманіе, что свои войска всегда были въ значительномъ расходѣ по всѣмъ направленіямъ), никакъ здѣсь быть не могло. Впослѣдствіи (съ 1706—1707 г.) на бастіонахъ дѣйствительно работало одновременно до 20.000 человѣкъ (при 40,000 въ годъ, наряжавшихся двумя смѣнами), но это огромное количество выставлялось изъ 35 пунктовъ средней Россіи.

Слѣдовательно, цифру 20,000 надо, очевидно, считать въ извѣстной степени гиперболическою, скрывающею за собою опять таки какой нибудь стратегическій расчетъ.

Не будемъ смущаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстіе исходитъ почему то изъ Риги и сообщается отъ 24 августа, т. е. черезъ три съ чѣмъ-то мѣсяца послѣ закладки крѣпости и почти черезъ два послѣ ея освященія. Все это было въ обычаяхъ тѣхъ временъ нашего первоначальнаго европеизма и первоначальной гласности.

Слѣдующее извѣстіе — на этотъ разъ подробное и свѣжее— изъ Петербурга мы встрѣчаемъ въ № 37 Вѣдомостей, составленномъ на Москвѣ въ 15-й день декабря. Въ извѣстіи этомъ описывается радостный для всѣхъ приходъ въ новую гавань-крѣпость перваго голландскаго корабля.

„Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ къ Санктпитербурху карабль галанской съ товары, съ питьями, и съ солью, на которомъ былъ шиперъ, и нѣсколико матросовъ, и тотъ карабль по повелѣнію господина губернатора принятъ по обыкновенію, и за приходъ подарено вышеупомянутому шиперу за столомъ въ дому его губернаторскомъ пять сотъ золотыхъ, а матросомъ кои съ нимъ были по триста ефимковъ, и при томъ сказано ему во обнадеживаніе другихъ, естьли потомъ другой карабль туда придетъ, и тому кто на томъ караблѣ, дано будетъ триста золотыхъ, такожде есть ли и третій карабль придетъ дано будетъ сто пятьдесятъ золотыхъ, и съ тѣмъ тотъ вышепомянутый карабль, отъ Санктпитербурха отпущенъ въ надлежащій ему путь со удовольствованіемъ, а товары всѣ которые на томъ караблѣ были куплены повольною цѣною".

Шкиперъ этого перваго иностраннаго корабля, пришедшаго въ Петербургъ, назывался, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, Янъ Гильбрандъ.

Этимъ исчерпываются извѣстія Петровскихъ „Вѣдомостей" о первомъ годѣ основанія Петербурга.

Затѣмъ съ 1704 г., въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, вплоть до 1719 г., въ „Вѣдомостяхъ" попадаются скудныя извѣстія изъ Петербурга, да и тѣ исключительно военнаго характера: объ осадѣ и взятіи Нарвы (1704), объ отбитіи отъ Петербурга шведскаго генерала Мейделя (1705) и въ томъ же году—о новой неудачной попыткѣ шведовъ овладѣть Котлиномъ и т. п. Оно, впрочемъ, и понятно: всѣ интересы Петра были тогда на югѣ.

Съ 1711 г. „Вѣдомости" начинаютъ выходить съ виньетками, изображающими Неву, Троицкій соборъ и крѣпость въ Петербургѣ (чередуясь съ Москвой или одновременно), но извѣстій о Петербургѣ въ нихъ все таки не прибавляется. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это объясняется впрочемъ тѣмъ, что они, какъ особенно торжественные, вызывали особыя брошюры. Такъ, напримѣръ, въ 1711 г. Царь вернулся на время въ Петербургъ, и по этому поводу имѣется напечатанное тогда „изъявленіе (т. е. описаніе) фейерверка, которой по повелѣнію его Княжой милости (т. е. Меньшикова) учиненъ на счастливое его царскаго величества въ Санктъ Пітербургъ пришествіе, генваря въ 1 день Новаго года, нынѣшняго 1712 въ Санктъ пітерзбурхѣ предъ полаты его Княжой Свѣтлости чрезъ подполковника Генніка". А по поводу возвращенія Царя въ 1714 г. полнымъ побѣдителемъ существуетъ книжка подъ заглавіемъ: „Объявленіе нынѣшняго тріумфальнаго входа, его царскаго величества въ Санктпітербурхъ", а также нѣсколько привѣтствій.

Что касается „Вѣдомостей", то помѣщеніе въ нихъ болѣе или менѣе подробныхъ извѣстій о Петербургѣ возобновляется лишь съ 1719 года, т. е. съ того времени, когда водворился миръ и новая столица, приведенная въ состояніе, удобное для жилья, могла начать правильную жизнь. Въ номерѣ отъ 16-го сентября 1719 г. помѣщено сообщеніе о спускѣ на воду фрегата „Руаля" и о предстоящемъ спускѣ яхты, при помощи механизма, придуманнаго Царемъ. Въ 1720 г. въ № отъ 10-го іюня описывается празднованіе дня рожденія Государя 30-го мая: утромъ—литургія въ церкви св. Іисаака Далматскаго (Исаакіевскій соборъ), затѣмъ принятіе поздравленій отъ вельможъ и пословъ, пушечная пальба (между прочимъ, и съ взятаго въ плѣнъ шведскаго фрегата), обѣдъ и вечеромъ—фейерверкъ. Гости разъѣхались въ первомъ часу. Въ числѣ ихъ были польскій посолъ и присланный къ Царю шведскій генералъ-адъютантъ. Въ этомъ же № сообщается о посѣщеніи польскимъ посломъ адмиралтейства (порядки котораго онъ очень хвалилъ, говоря, что такихъ нѣтъ нигдѣ въ Европѣ), о конференціи его съ русскими министрами и, наконецъ, о спускѣ на воду „Сѣвернаго Орла", послѣ чего здѣсь былъ балъ,

*) По нумераціи изданія московской синодальной типографіи.

съ котораго гости разъѣхались въ 2 часа ночи.

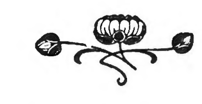
Въ томъ же 1720 г. въ № отъ 17-го декабря помѣщено извѣстіе о страшной казни—о сожженіи богохульника и иконоборца крестьянина Шуйскаго уѣзда, Ивашки Красваго, который октября этого года въ Никольскихъ воротахъ, во время крестнаго хода, поносилъ словами и дѣйствіями образъ и Крестъ. „Въ распросѣ и съ розысковъ съ трехъ пытокъ и съ огня въ томъ ругательствѣ... винился", но раскаянія не обнаружилъ и отъ церкви отрекся.

Подъ 1721 г. (№ отъ 15-го февраля) сообщеніе о происходившемъ накануне 14-го іюня (небывалая и невѣроятная быстрота печатанія!), въ Троицкой церкви, послѣ литургіи, собраніи, на которомъ была „предика" (т. е. проповѣдь) архіепископа псковскаго о вновь учреждаемой коллегіи духовныхъ дѣлъ, а затѣмъ— описаніе и самаго открытія Коллегіи Царемъ.

Любопытенъ и № отъ 28 мая 1723 г., въ которомъ описывается пріѣздъ въ Петербургъ „Шаха персідскаго полномочнаго посла Усмаила Бѣка" (Измаилъ-Бекъ). Была встрѣча (на водѣ), отдавались почести, салютовали. На пріемѣ посолъ произнесъ по персидски рѣчь, въ которой сравнивалъ Петра со знаменитыми властителями своей страны и благость русскаго царя уподоблялъ „химіе", т. е. (по разъясненію, сдѣланному въ примѣчаніи къ статьѣ) „философскому камню, который когда приложенъ будетъ къ серебру и мѣди, или другой подобной тому вещи, то въ золото обращается".

Этимъ мы закончимъ нашу „реляцію" о Петербургѣ въ Петровскихъ „Вѣдомостяхъ". Съ кончиной Петра В., года черезъ два, прекращается вызванное имъ къ жизни изданіе, и дальнѣйшихъ извѣстій о Петербургѣ нужно искать уже въ оффиціальномъ его, академическомъ органѣ—„С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ".

Д. Г.

Двѣ Лизетты, Тиранъ и Попугай.

(Къ рис. на стр. 141).

Въ рѣдчайшей книгѣ „Кабинетъ Петра Великаго" (Спб. 1800—I—II) мы нашли занимательные разсказы о двухъ Лизеттахъ, игравшихъ нѣкоторую роль въ жизни Петра Великаго. Одна маленькая Лизетта, другая — большая.

Маленькая Лизетта была сучка англійской породы, длиною около аршина, а вышиною въ восемь вершковъ. Вся она была рыжая, съ бѣлымъ пятнышкомъ на лбу. На шеѣ у ней былъ надѣтъ темнозеленый бархатный ошейникъ съ мѣднымъ позолоченнымъ обручикомъ, на которомъ самъ Петръ сдѣлалъ надпись: „За вѣрность не умираютъ". Лизетта никогда не отставала отъ Петра. Она лежала въ его кабинетѣ на софѣ до самаго его возвращенія. Едва онъ входилъ, какъ она ласкалась къ нему, прыгала вокругъ него, увивалась, какъ сумасшедшая. Онъ садился, она ложилась противъ него и въ постели всегда лежала у его ногъ. Однажды какой-то придворный впалъ въ немилость Петра. Императоръ страшно разсердился и приказалъ посадить его въ крѣпость. Онъ грозилъ примѣрнымъ наказаніемъ, а ужъ извѣстно, какія „примѣрныя наказанія" были у Петра. Придворный, между тѣмъ, пользовался расположеніемъ всего двора и самой царицы. Мало-по-малу дворъ осмѣлился и, когда царь успокоился, сталъ просить о помилованіи. Но царь совсѣмъ вышелъ изъ себя и запретилъ даже говорить объ арестантѣ. Казалось, что ужъ нѣтъ никакого спасенія для несчастнаго, потому что даже сама Катенька боялась замолвить слово передъ Петромъ. Утромъ Петръ, по обыкновенію, поѣхалъ въ адмиралтейство и въ сенатъ. Оттуда онъ возвращался въ полдень домой. Екатеринѣ Алексѣевнѣ пришло въ голову написать коротенькую челобитную и заткнуть ее за ошейникъ Лизеттѣ такъ, чтобы при первомъ взглядѣ можно было увидѣть бумагу. А въ челобитной Лизетта отъ себя указывала на свою безкорыстную службу и вѣрность и просила повѣрить ей, что осужденный невиненъ, и ходатайствовала о томъ, чтобы дѣло его было вновь разсмотрѣно. Лизетта, завидѣвъ Петра, бросилась къ нему и стала ласкаться. Петръ сейчасъ же увидѣлъ челобитную за ошейникомъ, взялъ, прочиталъ, засмѣялся и сказалъ: „Хотя указомъ запрещено съ челобитными ко мнѣ обращаться, но ужъ такъ и быть первую челобитную отъ тебя я приму, Лизетта". Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, послалъ денщика въ крѣпость и велѣлъ арестованнаго освободить.

Другая Лизетта,—большая,—была лошадь Петра Великаго, которая,—говорится въ „Кабинетѣ",—„такъ, какъ и Букефалъ побѣдителя Азіи, останется навсегда въ незабвенной памяти у потомковъ". Дѣло въ томъ, что эта лошадь участвовала вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ въ полтавской битвѣ. Она—тончавая, невысокая, стройная и шерсть на ней бурая. Хвость былъ обрѣзанъ. Чапракъ во время полтавскаго боя былъ изъ темнозеленаго бархата съ узорчатою золотою бахрамою. Сѣдло было тоже убрано темнозеленымъ бархатомъ съ золотомъ, а стремена желѣзныя и едва висѣли на полфута отъ земли, — таковъ ростъ былъ Петра. Лизетта носила женское имя, но это былъ жеребецъ персидской породы. Съ нимъ Петръ не разставался въ походахъ. Онъ пріобрѣлъ его за сто голландскихъ червонцевъ еще въ Ригѣ отъ маркитантовъ, бралъ Лизетту съ собой на Прутъ, и эта же лошадь сдѣлала съ нимъ персидскій походъ. Эта Лизетта,—хотя вѣрнѣе было бы сказать этотъ Лизетта, — обладала способностью пробѣгать въ день 150 верстъ „безъ всякаго притомъ себѣ вреда и надсады". Въ „Кабинетѣ" о Лизеттѣ разсказываются цѣлыя чудеса: „что будто бы она толико была привычна къ государю, что, не видя его долго, вырывалась изъ стойла и, бѣгая по лагерю, не прежде успокоивалась, пока не найдеть своего великаго всадника. Когда подводили ее къ государю совсѣмъ уже осѣдланную и онъ, раздумавъ вдругъ ѣхать, отсылалъ ее обратно въ конюшню, то она, какъ бы будучи обижена, посупляла внизъ голову и казалась печальною до такой степени, что слезы изъ глазъ ея выкатывались. Когда государь кушалъ въ своей ставкѣ или у кого нибудь изъ генераловъ со своими офицерами, она, увидѣвши его, входила въ ту ставку и принимала все, что ей со стола пить и ѣсть ни подаваемо было. Ежели Государю случалось ѣхать черезъ какой нибудь ровъ или каналъ, гдѣ не было мѣста, онъ приказывалъ бросать перекладину, по которой сія лошадь, хотя бы оная перекладина не шире была ея копыта, переходила съ удивительнымъ проворствомъ и равновѣсіемъ".

Кстати ужъ о животныхъ Петра. У него была еще собака Тиранъ, кобель датской породы. Онъ дѣлалъ съ Петромъ походы и зналъ въ лицо нѣкоторыхъ вельможъ „столь твердо, что при отлучкѣ служителей нашивалъ иногда къ нимъ письма и отъ нихъ обратно приносилъ на оныя отвѣты". Впрочемъ, Тиранъ не говорилъ.

А былъ у Петра попугай, зеленый, гвинейскій, и висѣлъ въ гостиной Катеньки. Въ этой гостиной Петръ совѣщался нѣсколько разъ съ Меньшиковымъ по окончаніи шведской войны о персидскомъ походѣ и говорилъ громкимъ голосомъ: „Въ Персію пойдемъ". Затѣмъ онъ приказалъ Меньшикову о персидскомъ походѣ крѣпко-накрѣпко молчать. И вдругъ черезъ нѣсколько дней, увидѣвъ входящаго денщика и спросивъ у него: „Ну, что новаго?"—Петръ услышалъ отвѣтъ: „Говорятъ, въ Персію пойдемъ".—„Какъ въ Персію пойдемъ!—закричалъ Петръ съ гнѣвомъ.—Признайся сейчасъ, отъ кого ты слышалъ?" Денщикъ улыбнулся: „Отъ попугая ея Величества. А другихъ новостей не знаю".—„Да не можетъ быть!—вскричалъ Петръ.—Вотъ птица!" Онъ приказалъ позвать князя Меньшикова и пошелъ съ нимъ на половину Катеньки. „Въ самомъ дѣлѣ вы никому не говорили?"— обратился онъ къ Меньшикову и къ женѣ. „Никому рѣшительно ни слова"—стали клясться Меньшиковъ и царица. „Тогда отгадайте, кто измѣнникъ. Вотъ сидитъ измѣнникъ!"— указавъ на птицу, заключилъ Петръ и велѣлъ вынести болтуна изъ гостиной, чтобы не было „измѣнниковъ и переносчиковъ" при немъ и при государынѣ.

Максимъ Бѣлинскій.

Дѣти, отправленныя багажомъ.

Сѣверно-Американская желѣзно-дорожная компанія „Wells Fargo Express Co." недавно отправила двухъ мальчиковъ, 10-лѣтняго Эллiота Уйдбека и его 2-лѣтняго младшаго брата Генри багажомъ изъ Калифорніи въ Нью-Іоркъ. На платьѣ малютокъ были нашиты адреса, и дѣти

благополучно проѣхали 3,400 миль изъ Оокленда въ метрополію. На пересадочныхъ пунктахъ ихъ поджидали агенты общества и направляли дальше. Два года тому назадъ мальчики пріѣхали съ ихъ больной матерью въ Калифорнію. 30-го января мистриссъ Уйдбекъ умерла, а послѣ ея похоронъ родственники предоставили дѣтей „Wells Fargo Express Co.", для отправленія на родину. Проживавшій въ Нью-Іоркѣ отецъ этихъ дѣтей былъ увѣдомленъ по телеграфу объ ихъ отъѣздѣ. Съ помощью 100 рублей въ карманѣ человѣческій багажъ не терпѣлъ никакой нужды. Одна Нью-Іоркская газета въ напыщенныхъ выраженіяхъ такъ пишетъ объ ихъ путешествіи: они веселились до безумія, ѣли, какъ милліонеры, и уничтожили цѣлыя корзины конфектъ и плодовъ. У нихъ въ карманѣ еще оставалось 22 рубля, когда ихъ встрѣтилъ отецъ".

Сказочная Атлантида.

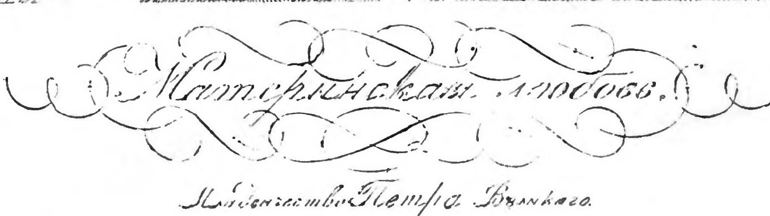
(Индѣйское сказаніе).

Существовалъ-ли когда-нибудь тотъ сказочный континентъ между Европой и Америкой, о которомъ разсказываетъ Платонъ, та „загадочная Атлантида"? Сильная вулканическая катастрофа на Малыхъ Антильскихъ островахъ вызвала опять къ жизни сказаніе объ Атлантидѣ. Большой вопросъ, насколько баснословно это сказаніе, повѣствующее объ исчезнувшемъ континентѣ? Въ Британскомъ музеѣ хранится драгоцѣнная рукопись, знаменитый манускриптъ *Троано*, написанный за три тысячи пятьсотъ лѣтъ у Мега, индѣйскаго племени въ Юкатанѣ. Вотъ, что гласитъ онъ въ переводѣ о міровой катастрофѣ Атлантиды:

„Въ годъ шестой Канъ, въ 11 Мульневъ мѣсяцъ Цакъ, произошло ужасное землетрясеніе и продолжалось непрерывно до 13 Хуенъ. Страна глинистыхъ холмовъ, страна Унъ пала жертвой. Послѣ двухъ ударовъ она исчезла внезапно ночью; почва была взбудоражена вулканическими силами, которыя заставляли ее подниматься и опускаться, причемъ вся земля, будучи не въ силахъ противустоять ужаснымъ судорогамъ, увлекла въ своемъ паденіи въ пропасть 64 милліона жителей. Это произошло за 8060 лѣтъ до написанія этой книги".

Скоттъ-Эллiотъ сообщаетъ въ „Gnosis'ѣ" по поводу этого важнаго миѳа нѣсколько другихъ интересныхъ индѣйскихъ сагъ, которыя тоже говорятъ о соединеніи европейскаго континента съ американскимъ въ доисторическія времена. Подразумѣвается-ли подъ этимъ соединеніемъ Атлантида, исчезнувшій континентъ, рѣшить еще въ утвердительномъ смыслѣ нельзя, пока не подтвердятъ этой гипотезы другія достовѣрныя находки и открытія

Со старинной гравюры, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Между индѣйцами Сѣверной Америки существуетъ очень распространенная легенда о томъ, что ихъ предки пришли изъ страны, лежащей къ „солнечному восходу". Индѣйцы племени Еніа и Дакота вѣрятъ, что всѣ индѣйскія племена прежде составляли одно единственное племя, которое обитало на одномъ островѣ „на востокъ". Оттуда они плавали по всему океану на особенныхъ лодкахъ: „Дакота плавали цѣлыми недѣлями и завоевали весь материкъ".

Манускрипты, найденные въ центральной Америкѣ, подтверждаютъ, что американскій континентъ нѣкогда далеко вдавался въ Атлантическій океанъ, но что, вслѣдствіе цѣлаго ряда ужасныхъ катастрофъ, континентъ былъ разорванъ на отдѣльные куски.

Распространенная между бретонскими кельтами легенда о томъ, что часть ихъ страны нѣкогда далеко вдавалась въ Атлантическій океанъ, тоже подтверждаетъ эту гипотезу. Въ преданіяхъ жителей Валлиса упоминается о трехъ великихъ катастрофахъ.

Мексиканское божество „Квецалькоатель" должно быть занесено изъ далекихъ восточныхъ странъ, потому что оно изображается блѣднолицымъ человѣкомъ съ длинной бородой (Надо замѣтить, что всѣ индѣйцы, какъ сѣверные, такъ и южные, безбородые). Это же божество изобрѣло письмена и американскій календарь. Научивъ мексиканцевъ искусствамъ и ремесламъ, этотъ божественный посолъ сѣлъ въ лодку изъ змѣиной шкуры и отправился на Востокъ. Нѣчто подобное же разсказываетъ Цамна, насадитель цивилизаціи въ Юкатанѣ.

Какіе доисторическіе факты и событія лежатъ въ основаніи этихъ сагъ и миѳовъ? Одно ясно, что въ давнопрошедшія времена пропасть между европейскимъ и американскимъ континентами не была такъ велика и глубока, какъ нынѣшній Атлантическій океанъ, который впервые переплылъ Колумбъ, когда искалъ западнаго пути и случайно открылъ Новый Свѣтъ. Была-ли мостомъ между обоими континентами сказочная Атлантида, о богатствахъ и политическомъ строѣ которой говоритъ Платонъ?

Островъ этотъ долженъ былъ лежать передъ „Геркулесовыми Столпами" (Гибралтарскій проливъ) и долженъ былъ быть больше Ливіи и Малой Азіи. Управлялся онъ царями, которые вели войны съ Египтомъ и Греціей, и въ одну ночь исчезъ съ лица земли. Та-ли это катастрофа, о которой писали Мега въ Юкатанѣ четыре съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ? Солонъ и ежегодники египетскихъ жрецовъ, по словамъ Платона, также говорятъ о погибшемъ континентѣ. Кто разрѣшитъ міровую загадку Атлантиды?

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., № 25 соб. д. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппъръ.